

В. А. Тишков¹

РОССИЙСКАЯ ПОЛИЭТНИЧНОСТЬ В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ

Мы не знаем, в какую сторону движется мир с точки зрения эволюции культурных форм и систем: в сторону унификации или, напротив, воспроизводства и усложнения разнообразия, но мы знаем точно, что сама эта сложность стала другой. Появились новые тенденции и каналы культурного усложнения, новые технические и информационные ресурсы разрушения культурной нормы или монокультуры без обязательной маргинализации ее носителей, возникли феномен и концепты культурной гибридности. Процесс этот имеет глобальный и, скорее всего, необратимый характер. Те страны и регионы, которые найдут адекватные политические ответы, выиграют; те, кто будут пытаться назад, — проиграют. Поэтому надо по-другому смотреть и на социально-культурную природу современных наций. Именно сообщества «по государству» (многоэтничные согражданства), а не этнические группы и религиозные общины являются в современную эпоху основными производителями культурного капитала. Именно они поддерживают, сохраняют и защищают от внутренних и внешних угроз этнокультурное разнообразие внутри страны и даже за ее пределами, когда речь идет о так называемых соотечественниках или о «разделенных народах».

Созданные национальными сообществами экономические базы, образовательно-информационные институты, охранное законодательство, ведомства и общественные организации, высокая (профессиональная) культура служат ключевыми факторами сохранения этнических, языковых, религиозных и других культурно-отличительных систем в рамках национальных сообществ. В последние десятилетия к защитным факторам добавились международные механизмы, но они также создаются представителями наций-государств и существуют на их денежные взносы.

Что представляют собой современные нации? В отечественном общественном сознании по этому вопросу наблюдается методологическая путаница и ведутся политизированные дискуссии. В России традиционно сохраняется понимание нации исключительно в этническом смысле. Предложенные двадцать лет назад понимание

¹ Директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, руководитель Секции истории Отделения историко-филологических наук РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор около 400 научных и научно-публицистических работ, в т. ч. монографий: «Освободительное движение в колониальной Канаде», «История Канады», «Реквием по этносу», «Очерки теории и политики этничности в России», «Политическая антропология», «Российский народ», «Общество в вооруженном конфликте» и др. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники.

и употребление этой категории в двойном (гражданско-политическом и этнокультурном) и не взаимоисключающем смысле² только в последние годы стали в России признанными. И все же это признание имеет зачастую вымученную форму, граничащую с интеллектуальной шизофренией. Идеологическая труха и конфликтогенные рецепты (например, учредить экстерриториальные «национальные советы» для всех этнонаций, включая русскую, вместо действующей по Конституции федерации с этнотерриториальным компонентом³) предлагаются с завидной настойчивостью, особенно в теледебатах и в Интернете.

В России вроде существуют все стороны «национального бытия» и национального дискурса: от экономики и здоровья/нездоровья нации до национальных проектов и национальных спортивных команд, а самой нации как бы нет, и выговорить ее название многим довольно трудно. Одна из причин трудного признания кроется в неверном понимании и восприятии гражданских наций, как их понимали еще якобинцы или американские отцы-основатели. По их мнению, идеальная нация должна состоять из свободных и равноправных граждан, говорящих на одном языке, солидарных и лояльных по отношению к создаваемому ими государству. Но якобинский идеал никогда не был реализован даже в самой Франции, а американская национальная идея претерпела метаморфозы, мало связанные с расовыми и этническими реалиями. Трудное признание современных концептов «что есть нация?» наблюдается и в других странах. Во многих странах ведутся споры по поводу того, кого называть нацией, но самый распространенный случай — это отказ со стороны государства в лице центральной власти признавать этнические или региональные сообщества в качестве наций.

Но тогда что есть нация? *Это историческая, культурная и социально-политическая общность в рамках государственного образования, обладающая культурной сложностью, которая сжимается в годы политической централизации и общегражданских потрясений и обретает актуализированное старое и вновь обретенное разнообразие в эпоху демократизации, деколонизации и массовых миграций.*

Схожая ситуация в современных государствах сложилась с языковым разнообразием, ибо язык по-прежнему довольно жестко связывается с этничностью,

² Тишков В. А. Что есть Россия? (Перспективы нациестроительства) // Вопросы философии. 1995. № 2.

³ Попов Г. Х. Обойдемся без «священной коровы» // Московский комсомолец. 2011. 10 июня. С. 6.

особенно в отечественной научной и общественно-политической традиции. Российские ученые и практики до сих пор полагают, что у человека должен быть родной язык «своей национальности» и этот язык может быть только один. Оговорка для переписчиков во время переписей населения, что «родной язык может не совпадать с национальностью», в данном случае не спасает ситуацию. В обычном понимании языковая сложность — это существование в мире множества языков и наличие внутри языков многих вариантов. Языковые атласы и даже «красные книги» языков как вымирающих живых видов стали обыденностью гуманитарной науки. Тем более что язык физически более осязаем через речь и тексты, чем этничность через свое во многих случаях только самосознание. В языке как важнейшем средстве коммуникации заключен интерес самых разных человеческих коалиций и институтов, ибо он обеспечивает их солидарность и функционирование. Без единого языка не могут существовать современные армии, и государственные бюрократии предпочитают общаться на одном официальном языке. Более гибко к языковой практике подходят религиозные институты в своей пастырской и миссионерской деятельности. Не случайно одними из пионеров составления этноязыковых атласов в виде известного «Этнолога» были религиозные институты или поддерживаемые христианскими церквями организации.

Традиционный взгляд на ситуацию с языками сводится к тому, что в современном мире под воздействием глобализации исчезновение языков идет быстрыми темпами. По поводу проблемы «вымирания языков» и составления «красных книг» исчезающих языков существуют многочисленные спекуляции и громкие политические заявления. На уровне ЮНЕСКО и Совета Европы приняты декларации и хартии по вопросам сохранения и защиты языкового разнообразия. Наиболее известный международный документ в этой сфере — принятая кабинетом министров СЕ в 1992 году в качестве конвенции Европейская хартия региональных языков или языков национальных меньшинств. Российская Федерация в 2001 году присоединилась к Хартии, но пока не ратифицировала ее. Казалось бы, из-за глобализации мир становится все более моноязычным. Такие доминирующие языки, как английский, все больше овладевают мировым языковым пространством. Однако мировая языковая ситуация и положение с языками в разных странах носят более сложный характер. Эта сложность заключается в следующих процессах:

— *размывание и перемешивание языковых ареалов*, так что сегодня уже никто не рискнет составлять языковые атласы, как это делалось в XIX веке или как это еще можно было сделать с этничностью и религией в XX веке;

— *повсеместное усложнение языкового репертуара современного человека и распространение многоязычия* среди населения многих стран;

— *тенденция к ревитализации языков*, то есть языки возвращаются к жизни после десятилетий умирания и (или) забвения. Примеры — бретонский язык во Франции, гэльский и корнуэльский в Великобритании, гавайский в США.

Мы не разделяем взгляды сторонников концепта «вымирания языков». Несмотря на драматические прогнозы некоторых ученых и политиков, языковое разнообразие будет сохраняться при усложнении языковых ситуаций среди современных наций и расширении языкового репертуара отдельных людей. В свою очередь, государственная языковая политика будет развиваться в направлении признания и поддержки многоязычия, в том числе официального, на уровне государства и его регионов, а также будут усложняться сферы языкового обслуживания. Бюрократия и службы все больше будут говорить на языке налогоплательщиков, а не наоборот. *Многоязычие как личностная установка и как политика наряду с официальным одно- или двуязычием будет все больше нормой языковой коммуникации граждан в рамках национальных сообществ.* Благодаря этому, кстати, смогут улучшить свое положение многочисленные русскоговорящие жители Украины, Молдавии, Латвии, Казахстана, Кыргызстана, Эстонии и других стран.

Из этих оценок следует несколько вопросов для науки и политики. *Во-первых*, как долго в общественной практике, включая российские переписи населения, будет сохраняться изживающее себя единичное понимание «родного языка», и вообще, что означает данная категория-демиург? Это «основной язык знания и общения» (по Ожегову), или это «первый выученный в детстве язык» (так называемый *материнский язык*), или же что-то другое, например язык своей национальности независимо от владения и использования? Федеральный закон 2001 года о всероссийских переписях населения обязывает в числе прочего собирать данные о «родном языке», но что это такое и как это сделать, из проведенных в 2002 и 2010 годах переписей так и не стало ясно.

Во-вторых, насколько современное государство и его население ответственны за неизменность языковой карты своей страны и языковое пространство обучения, культуры и информации? Чей это вопрос и кто его отслеживает, в том числе и на межгосударственном уровне? Нет сомнения, что сами носители и пользователи языка сохраняют и защищают свои языковые системы коммуникации, но в этом вопросе есть некоторые новые диспозиции. Общественные активисты, ученые-лингвисты и этнографы, некоторые международные структуры с предписанной миссией сохранения нематериального культурного разнообразия озабочены тем, чтобы население продолжало говорить так, как оно говорило сто и двести лет назад, и чтобы это разнообразие сохранялось, как разнообразие видов в живой природе. Недаром появился феномен «красной книги» языков по примеру аналогичной книги вымирающих природных видов. Есть и те, кто проводит политику языкового национализма, полагая, что суверенное государство вправе требовать от всех граждан обязательного изучения и владения языком, который объявлен государственным или официальным. При этом никакого компромисса по части официального двуязычия или многоязычия не допускается. Это приводит к косвенному насилию и дискриминации, причем в ряде государств бывшего СССР языковая дискриминация носит массовый характер.

В-третьих, существует проблема нивелировки языкового разнообразия в условиях глобализации, включая современные экономики и информационные системы и поведение людей. Но существует также проблема языкового романтизма и языкового национализма, когда вопрос о языке становится средством ограничения прав человека и даже гражданских прав, механизмом политического давления и манипулирования, элементом геополитического соперничества, включая давление на те или иные страны и общества. Реальная языковая жизнь и частные стратегии людей в какой-то степени оказались заложниками романтических и политизированных взглядов на то, что есть язык и какая должна быть политика по отношению к языковому вопросу. В конце XX века языковыми утопиями и политизированными рекомендациями грешили постсоветские государства, а также международные организации, включая ЮНЕСКО и ОБСЕ.

В настоящее время в европейских странах (Великобритании, Германии) действуют частные фонды с программами по вымирающим языкам или языкам, находящимся под угрозой исчезновения. Реализуются проекты и поддерживаются научные исследования, которыми занимаются также и российские ученые. Однако в какой мере эта озабоченность и даже политическая миссия отвечают своеобразию каждой страны, ее регионов, а самое главное — интересам и стратегиям самих людей? Если мы признаем принцип культурной свободы, то *должно быть признано и право на языковой переход (или ассимиляцию)*, а не только на сохранение языка, на котором говорит часть представителей той или иной группы населения (этнической, региональной или мигрантского происхождения). В этой ситуации языки мировых культурных систем, к которым относятся как русский, так и английский, испанский и французский языки, всегда будут в предпочтительном положении даже при формальном равноправии всех языков. Объяснение здесь простое: эти языки предоставляют больше возможностей для жизненного преуспевания, чем так называемые миноритарные языки. Поэтому требование «языковых паритетов» на межгосударственном уровне (типичная позиция: «у нас столько-то русских школ, и у вас должно быть столько же украинских!») не всегда справедливо и реалистично, если учитывать прежде всего запросы и интересы самих людей. В этом вопросе есть свои «двойные стандарты», которые необязательно устанавливаются политиками. Например, переход российского эмигранта чувашского или чеченского происхождения на английский или немецкий язык в стране эмиграции (США или Великобритании, Германии или Австрии) считается приемлемой нормой интеграции, а сходный процесс перехода на русский язык в России представителей нерусских национальностей может трактоваться языковыми националистами и внешними наблюдателями как языковой геноцид или политика насильственной ассимиляции.

Для Европы, включая страны Балтии и Восточной Европы, а также для России и других стран СНГ вопрос сохранения языкового разнообразия имеет особое значение, включая его политические проекции.

В странах Западной Европы значительная часть населения уже обладает знанием двух и более языков, но вопрос языковой политики в регионе ЕС еще не решен. Об этом свидетельствует затянувшийся процесс ратификации Европейской хартии региональных языков или языков национальных меньшинств. По этому вопросу у России формируется своя позиция. Подписав Хартию в мае 2001 года, мы рассматриваем возможность присоединения к этому документу путем ратификации. Россия не единственное государство, отложившее ратификацию. Здесь имеются особенности, которые могут препятствовать положительному решению вопроса. Это и огромное разнообразие языков, и неравномерное социальное и культурное развитие территорий, и нежелательность перевода темы языка в политическую плоскость в регионах, где есть конфликтный потенциал. Это, наконец, значительные финансовые затраты, которые последуют за ратификацией.

На современном этапе язык (языки) представляет собой не только средство общения тех или иных групп населения, но и самостоятельную, в большой мере автономную от ее носителей культурную ценность, которая, как и любая ценность, может быть утрачена, хотя при этом речь не идет о физическом вымирании людей или «исчезновении народа». Переход на другой язык не означает утрату идентичности, то есть сознания принадлежности к тому или иному народу. В качестве скреп самосознания могут выступать религия, эмоционально-духовная связь со страной и ее культурой и другие компоненты идентичности. Проблема автономности культурных ценностей и их утраты без ущерба для социальной жизни еще более обострилась в эпоху глобализации. Вместе с тем многие государства уже осознают, что культурные утраты, такие, как исчезновение недоминирующих языков, наносят ущерб наследию живущих и будущих поколений, создают атмосферу неудовлетворенности и деградации. К сожалению, на эти современные вызовы Россия пока не научилась реагировать должным образом. Наши законодательство и правоприменительная практика, как и действия в сфере языковой политики, по-прежнему базируются на концепции «языка этнической группы», «языка национальности» и порождают дебаты о равенстве и дискриминации одних групп относительно других. Между тем следует говорить о различиях в статусе и уязвимости одних языков по сравнению с другими.

Что же касается современной ситуации в ключевой области языкового образования, то условия преподавания так называемых родных языков в России в значительной степени соответствуют международным стандартам. Однако и в этом направлении государственные усилия должны быть более последовательными. То же можно сказать о ситуации в России со средствами массовой информации и практикой поддержки культурных мероприятий на различных языках. Задача государства — обеспечить в полном соответствии с государственными стандартами изучение русского языка на всей территории и для всех граждан. Одновременно государство, региональные власти и органы местного самоуправления вместе с общественными организациями и частным бизнесом должны поддерживать

языковые запросы граждан в области образования, правосудия, социальных служб, информации.

Важнейшую роль в утверждении национального самосознания и воспитании ответственного гражданина в современных государствах продолжает играть система образования, хотя значение общей культурно-информационной среды и индивидуального опыта человека все больше возрастает. Современный образовательный стандарт предусматривает духовно-нравственное развитие и воспитание личности молодого человека, осознающего свою принадлежность к гражданской нации и вместе с тем знающего этнические культуры, традиции народов России, прежде всего своего народа и региона¹. Правовые гарантии такой политики были закреплены Федеральным законом 1992 года «Об образовании», в ст. 2 которого среди принципов государственной политики в области образования называются в первую очередь «гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности. Воспитание гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, родине, семье... Защита и развитие системой образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства». По этому закону граждане РФ имеют право на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования.

На уровне федерального законодательства эти положения долгое время представлялись достаточными. Однако на уровне регионального нормотворчества в области образования возникли серьезные проблемы. Через «национально-региональный» компонент преподавались этноцентристские версии истории так называемых титульных наций. Российская молодежь получала недостаточные знания в области российской истории и русского языка, что ослабляло ее конкурентные возможности². В конце 2007-го и в 2009 году были приняты поправки к закону об образовании, которые сделали региональный компонент образования более подконтрольным федеральной власти, а также расширили возможности самих школ пользоваться вариативностью в выборе программ и предметов. В ответ на озабоченность местных этнических элит было подчеркнуто, что реформа в области образовательных стандартов создаст больше возможностей для учета этнокультурных запросов разных групп населения, проживающих в том числе и в республиках. Несмотря на эти существенные коррективы, остается нерешенной проблема поликультурного воспитания и образования в регионах со смешанным составом населения и в стране в целом. В России, например, до сих пор нет школьных учебников, которые раскрывали бы поликультурную природу российского народа и вклад в историю страны представи-

телей разных национальностей. В стране как бы сталкиваются две крайние точки зрения на прошлое: старая, русскоцентристская и новая, этнонационалистическая, что вызывает напряженность и нетерпимость между учащимися разных национальностей.

В свое время ряд полиэтничных стран, а также страны Евросоюза произвели ревизию версий национальной истории в пользу более инклюзивных и мультикультурных образцов и демонтажа образа врага в лице других народов и государств. Проблема канона (стандарта) в области исторического образования стала частью глобальной повестки международного интеллектуального сообщества³. Россия в настоящее время также предпринимает шаги по созданию более объективных и менее конфликтных версий прошлого, в том числе на уровне двусторонних комиссий, включающих историков, с одной стороны, из России, с другой — из стран бывшего СССР, Финляндии, Германии, Польши. Это есть часть демократизации интеллектуального и образовательного пространства России и некоторых других стран.

Фундаментальный конституционно-правовой принцип разделения государственного и местного самоуправления остается в России скорее идеологической интенцией, нежели институциональной данностью. В полиэтничных государствах с элементами этнического федерализма невозможно рассматривать «местное управление» только в его конституционно-правовой дефиниции, то есть применительно к уровню ниже регионов — субъектов Федерации. Даже если республики определяются российской Конституцией как «государства» и их государственность составляет часть федеративной государственности, именно они и представляют одно из главных средоточий проблемы самоуправления местных сообществ, ибо территории республик и автономных округов — это территории проживания культурно отличных от остального населения местных сообществ. Сложный этнический состав имеет и большинство российских краев и областей. В этой ситуации федерализм должен сочетаться с сильным местным самоуправлением. Через расширение прав, ресурсов и инициатив местных сообществ может решаться значительная часть проблем межнациональных отношений, а также задача сохранения культурных традиций и своеобразия. Этому способствует ряд факторов.

Во-первых, сама природа и культурная обусловленность формирования территориальных сообществ, а также их постоянная динамика. С этим тесно связаны и территориальные формы местной власти. Как образуется то, что можно назвать «местным сообществом», в историческом и социокультурном аспектах? Можно ли определить членство в местном сообществе по формальному признаку постоянного проживания или в него должны быть включены и те, кто уехал в другой город или даже за границу, но, располагая ресурсами и символическим капиталом, а также имея интересы, продолжает осуществлять власть над сообществом и определять многое в его жизни, в том числе и через практическое участие (спонсорство, культурная

¹ Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России // Народное образование. М., 2010. № 1. С. 39–46.

² Анализ ситуации в регионах см.: Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы / под ред. В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2010.

³ Тишков В. А. Новая историческая культура. Воронеж, 2011.

деятельность, политическая мобилизация в поддержку выходца или выходцев из сообщества, криминальные связи и действия и т. п.)? Что есть современное местное сообщество, если значительная доля средств, на которые существуют его члены, поступает от тех, кто связан с этим сообществом, но физически в нем не пребывает?

Во-вторых, с этим же связан вопрос о границах местных сообществ и (или) муниципальных образований. Ясно, что это разные границы, и административные границы никогда не совпадают с культурными и хозяйственными. Что в реальной российской практике определяет границы местных образований? Похоже, что здесь фактически сохраняется советская система местного административного деления. Если и появилось что-то новое, так это своего рода вариант американского *джерримендеринга*, то есть границы сельских или городских районов могли быть изменены только исходя из политических соображений, ибо с административными границами связано деление на избирательные округа. Встает вопрос, насколько сохраняющаяся советская система не только местного, но и республиканско-регионального административного деления была и остается оправданной и что можно ей противопоставить как «идеальные» принципы для определения территориальной основы местного самоуправления.

Местные сообщества складываются под воздействием внутренних и внешних факторов, которые имеют динамическую взаимосвязь. То, что тридцать-пятьдесят лет назад казалось (и действительно было) насилием при формировании и определении границ местных сообществ, сегодня становится частью идентичности и глубокой привязанности их членов, то есть воспринимается как историческая норма и даже «традиция». Другими словами, адаптационные возможности современных людей достаточно велики, и они способны не только сами стихийно определять пространственные границы локальных коллективов, но и приспосабливаться к внешним предписаниям, даже не учитывающим местного волеизъявления. Для каждого нового поколения границы местного сообщества — это радиус тех местных дорог, по которым в юности можно было доехать на велосипеде или на мотоцикле, чтобы сходить на дискотеку или погулять с девушкой. *Осваиваемое человеком пространство повседневной жизни скорее расширяется, чем сужается, чему способствуют прежде всего улучшающиеся дороги и средства передвижения.*

Безусловно, в данной сфере социальной жизни сохраняются и могут заявить о себе в форме манифеста некоторые групповые (этнические) границы, которые при всей их изначально ментальной сущности нередко обретают географические параметры. Представители некоторых этнических общностей (а точнее, хозяйственно-культурных комплексов) могли на протяжении длительного времени занимать определенные пространства для проживания и использовать другие пространства для ведения хозяйственной деятельности. Иногда представители двух разных культур могли использовать разные ресурсные ниши на одной и той же территории и проживать смешанно или раздельно-

смешанно (отдельные поселки/аулы, но единые поселения более широкого плана). Пространственные параметры этнических общностей сохраняются и в современной жизни, особенно в сельской местности и в некоторых малых городах (в крупных городах России пока еще нет «этнических кварталов»). Из всего этого и складываются образы «малой Родины», за которые иногда возникают межгрупповое соперничество и даже открытые конфликты.

В-третьих, в какой мере этнокультурный фактор может быть основой определения границ местных сообществ? Для сельских сообществ, безусловно, может, ибо культурная гомогенность мест проживания обусловлена не только давней историей, но и современными человеческими стратегиями: удобством языкового общения, схожестью систем хозяйственного жизнеобеспечения, бытовыми нормами, ценностными ориентациями, обрядовой жизнью и т. п. Ценность культурной партикулярности не исчезает с модернизацией и нивелировкой хозяйства и быта под воздействием рынка и массовой культуры. Многообразие местных сообществ не будет исчезать, а его символическое значение как одной из форм человеческой идентичности даже может возрастать. Значит, этнокультурный фактор должен быть признан одним из приоритетных в определении границ местных сообществ, а сохранение местного культурного многообразия является одной из задач местного самоуправления и государственной политики в отношении местных сообществ. Но как далеко может заходить культурный детерминизм в данном вопросе, если мы уже отмечаем высокую адаптивность и мобильность человеческих коллективов? Некоторые общественные активисты и этнологи высказываются за систему своеобразной местной кантонизации культурно-сложных сообществ и организацию местных поселений и образований на этническом принципе. Такой вариант предлагается для Дагестана, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и еще ряда регионов РФ. Аргументом в его пользу является необходимость защиты и должного представительства малых этнических групп в более широких многоэтнических образованиях, а также представление о мирной стабильности этнически однородных поселений. По поводу этого аргумента есть большие сомнения, но ясно, что данный вопрос заслуживает обсуждения. Причем культурная основа пространственных границ местных сообществ — проблема не только Северного Кавказа или республик в составе РФ, но и всей страны, ибо культурное разнообразие присутствует и воспроизводится повсеместно, хотя внешние наблюдатели его могут и не замечать. Эту значимость могут и, видимо, должны определять сами жители. Но в какой мере данный фактор первичен, чтобы быть основой решения о границах, и в какой мере решение принимается действительно в результате волеизъявления, а не манипуляций со стороны «этнических предпринимателей» и замороченных паранаучными текстами местных интеллигентов?

В-четвертых, анализ правоведческой и политологической литературы ставит еще одну фундаментальную проблему: в какой мере оправданна единая

категория «местные сообщества» для сельских и городских образований? Для территории Аляски или Москвы с частью Подмосковья такое деление не носит принципиального характера (ни там, ни здесь нет деревни). Но в России дихотомия *город–село* имеет сложную природу, а жизнь в городе и на селе и характер городской и сельской власти существенно различны.

Анализ повседневности жизни и смысла власти для городского и сельского жителя поможет выявить эти различия, а значит, необходимость различий в правовых нормах и администрировании, не говоря уже о перспективе категоризации двух разных классов социальных явлений: городского и сельского (само)управления. Здесь нельзя обойти и вопрос о существовании в РФ смешанных муниципальных образований, объединяющих городские и сельские территории. По имеющимся полевым наблюдениям¹, в данном случае мы имеем дело с административным «выбросом» персоналистских властных и коммерческих соперничеств, а территория, как и во времена враждующих племенных групп, становится ресурсом выживания и безопасности.

В-пятых, существующая степень анализа и общего понимания игнорирует неформальную сторону

природы власти. Сельские (деревенские) муниципалы продолжают тратить половину своего рабочего времени в кабинетных инстанциях районных муниципальных образований. Одна «местная власть» находится фактически в полном подчинении у другой «местной власти». На чем строится эта повседневная зависимость, которая не прописана в Конституции, законах и указах? Похоже, в ряде регионов нынешние администрации районов полностью подчинили себе власть деревень, поселков и сел, и последняя есть искусственное образование или инструмент осуществления иных функций. Но тогда каких? В любом случае в России наблюдается разрыв между заявленной реальностью (законы, уставы, решения, опросы и т. д.) и практикой повседневности, построенной на неформальных связях, жестких зависимостях, сугубо личных или корпоративных интересах, которые делают итоговую оценку местного самоуправления гораздо менее оптимистичной. Приходится признать, что в современной России многие политические, идеологические и культурные основы местного самоуправления отсутствуют, а в некоторых регионах вообще нет нормальных основ для функционирования местной власти.

¹ Социальная антропология современного российского города: итоги полевых исследований / под ред. В. А. Тишкова. М., 2010; Малый город в современной России: предварительные результаты полевых исследований / под ред. В. А. Тишкова. М., 2010.